—[**HO**]—

BARGUNUP KOZAOB

БЕЗДНЫ

Если пережить момент наивысшей уязвимости, когда к стеклу приставший лист язвит своим паденьем, когда, почувствовав в подъезде запах, хочешь разрыдаться, когда не можешь оторваться от незнакомого лица и чувствуешь, что твой томатный сок уходит в космос через трубочку детали, если пережить этот момент, то будет случай сравнить его с другим когда заметил, но не посмотрел ни разу, когда ты ухмыльнулся предложению себя, а за всхлип в момент возненавидел одна из этих бездн всегда является расплатой за другую.

СВИТЕР

Вещи в какой-то момент становятся старше тебя — вот свитер, в котором ты был тем, кем сейчас тебе горько себя представлять, — сейчас ты наденешь его, будешь выглядеть так же, как вечность назад, и подозревать себя в том, что ты действительно не изменился, что никакого в твоей жизни нет пути,

—[**HO**]—

что нету вех, есть только вещи, которые не выпустят, которые увековечат без обещания спасенья — и, обреченный в свитер, ты выходишь, и морок отпускает: ты дышишь глубоко, без принужденья, фиксируя старинный вкус свободы, который обещает испытанья.

чужой

...более того, я бы сказал, что у тебя настолько повышенная выживаемость, что даже русская классика по-твоему — учебник жить, а не учебник умирать: жизнь для тебя всегда достойней смерти, и, думаю, останься от тебя, после нападенья, скажем, только палец он мог бы праздновать победу жизни над внешним, а не внутренним врагом внутри врагов не может быть, поскольку, по сути, органы внутри взаимозаменяемы: вот если вырвало, к примеру, сердце, его заменит, в общем, и кулак, а если голову долой, то думать сможет даже селезенка при сшитии ничто ни с чем не конфликтует, внутри — сплошная гомогенная среда, на коже — клетки, что с приходом утра немедленно, неумолимо в больших объемах вырабатывают счастье, делающее жизнь героев русского романа, прописанных всегда за стенкой, уже невыносимой совершенно.